

В.К.ЛАНЧИКОВ

ШПИНАТ ПО-АНГЛИЙСКИ

Когда мы с Мишель Берди закончили статью о переводах Р. Пивера и Л. Волохонской для журнала «Мосты», я, как обычно, показал её кое-кому из коллег, чтобы узнать их мнение. Один обратил внимание на то, как я перевёл цитату из статьи Д.Ремника:

– Мы так никогда не переведём, – и Пивер кривится, как ребёнок, который нечаянно попробовал брюссельскую капусту.

«А стоит ли оставлять здесь “брюссельскую капусту”?»

Я понимал, что именно смутило моего коллегу. Понимал, потому что, переводя, и сам задавал себе тот же вопрос. Да, в оригинале “Brussels sprouts”. Но американскому автору важно не предметное значение этой лексической единицы, а те ассоциации, которые связаны у читателя с упомянутым овощем.

Какие ассоциации – видно по отрывку из статьи, опубликованной три года назад в газете «Таймс» (12 декабря 2003 г.):

Брюссельская капуста – это блюдо, которое непослушные дети не хотят кушать на обед. Гадкие карликовые кочанчики со зловещими масонскими крестиками вместо черенка – никуда от них не денешься: на обед, на ужин, даже на завтрак сердитые родители брякают перед тобой тарелку с остывшими, быстро теряющими упругость комочками. Чего удивляться, что даже в зрелом возрасте бывших непослушных детей чуть ли не мутит от одного вида брюссельской капусты.

Подобные воспоминания навеивает брюссельская капуста и американской журналистке («Вашингтон Пост», 3 ноября 1999 г.):

Помните эти водянистые, горьковатые, скверно пахнущие шарики, которые вы в детстве катали по всей тарелке? В картофельное пюре, как горошины, не спрячешь: слишком крупные. Разве что украдкой скормить собаке под столом.

Словом, для большинства англичан и американцев “Brussels sprouts” – это нечто полезное, питательное (недаром родители так настойчиво пичкают ею малышей), но страшно невкусное.

Если опросить детей, выросших в России, какое блюдо соответствует этому описанию, едва ли в ответ раздастся дружное: «Брюссельская капуста!» А значит вопрос, стоило ли оставлять в переводе цитаты «брюссельскую капусту» – вопрос не праздный. Мой вдумчивый коллега имел все основания насторожиться, увидев, что в статье, где осуждаются буквалистические замашки двух американских переводчиков, я прибегаю к способу перевода, так напоминающему осуждаемый.

Однако я пошёл на сохранение образа вполне сознательно. Прежде чем объяснить своё решение, приведу другой пример.

Недавно я предложил студентам для перевода выловленную в Интернете статью американского лексикографа Эрин Маккин, которая начинается так:

Lots of people (and by “lots” I mean roughly 99% of everyone I’ve ever spoken to) believe that the dictionary is a Who’s Who of words. That it’s like Ivy League college admission. That only *really* good words, the ones that have eaten all their spinach and who play the oboe and who get high scores on the SAT, make it into the dictionary.

Возможно, стоит пояснить, что у американцев шпинат имеет примерно ту же репутацию, что и брюссельская капуста. В 1928 году в журнале «Нью-Йоркер» была напечатана карикатура на сюжет, подсказанный известным юмористом Элуином Уайтом. Мать: «Это брокколи, солнышко» – Сын: «А я говорю – шпинат, и ну его к чёрту». Последняя фраза – “I say it’s spinach, and I say the hell with it” – стала крылатой.

Тут уж, если кто-то из студентов оставлял при переводе «шпинат», я сам советовал применить приём, который А.Д.Швейцер назвал «замена функциональным аналогом» (в более поздних работах он использовал термин «интергипонимические замены»): пусть «слова-паиньки» в переводе «кушают манную кашку» или «пьют рыбий жир».

Казалось бы, случай такой же, что и статье Ремника: и тут и там главным оказывается не предметное значение, а набор ассоциаций. Но есть и отличие. Студенты переводили весь текст, я – лишь цитату из статьи. Цитата же требует более осторожного обращения. Тут имеешь дело не с законченным словесным произведением, а с его фрагментом. Н.М.Любимов, вспоминая годы учёбы, писал:

Перевод отдельных фраз мне редко когда удавался. Фраза живёт в контексте. Вырванная из него, с обрубленными сучьями и ветвями, она засыхает, как дерево. Уже приобретя опыт, я пытался, вчитываясь в произведение, к которому мне предстояло подобрать русский стилиевой ключ, переводить фразы из разных глав и частей. И не было случая, чтобы потом, дойдя до какой-либо из этих фраз, я не переведил её заново, чтобы я не отказывался от заготовки. Вырастая из контекста, фраза требует иного звучания.¹

Сказанное относится не только к стилистическим, но и к смысловым оттенкам цитируемой фразы. Поэтому при переводе цитаты иногда поневоле стараешься быть чуть буквальнее, чем обычно – тем более работая с публицистическим текстом, тем более, когда цитата приведена в полемических целях. (Если бы я переводил статью Ремника целиком, то скорее всего передал бы “Brussels sprouts” как «рыбий жир»).

Возможно, кому-то (как моему коллеге, который, выслушав эти доводы, всё же не согласился) покажется, что я переосторожничал. Что ж, здесь я лишь пытаюсь обосновать своё решение. Но случись мне не писать, а редактировать статью, где в переводе этого отрывка автор-переводчик решил на замену функциональным аналогом, я бы разве что поделился с ним своими сомнениями, но исправлять бы не стал.

Так вот о брюссельской капусте. Строго говоря, её уже не назовёшь «реалией»: в России она известна достаточно хорошо. Точнее, известно предметное значение этого сочетания. Но кроме предметного значения слова обладают ещё и *со-значением*, коннотацией, и бывают случаи, когда это самое со-значение заслоняет собой предметное – как в цитате из статьи Ремника. Следовательно, его и надлежит отразить в переводе – любым способом, вплоть до замены лексической единицы на слово с другим денотатом.

---

¹ Н.М. Любимов, «Неувядаемый цвет: Книга воспоминаний». Т.1 – М.: Языки славянской культуры, 2000, стр. 277.

Переводчики понимали это давным-давно. Взять, например, разные переводы одной фразы Гамлета. В сцене с актёрами, вспоминая пьесу, которая недолго продержалась на сцене, Гамлет замечает:

The play, I remember, pleas'd not the million, 'twas caviary to the general.

Выражение “caviar to the general” со временем стало фразеологизмом, означающим нечто настолько тонкое и изысканное, что может быть оценено лишь немногими. Правда, как отмечает, У.Сафайр, в современной речи (по крайней мере, в США) это выражение подчас употребляется в несколько ином значении:

Этот оборот впервые употреблён в «Гамлете» <...> Слово “general” означало не какого-то полководца-гурмана, а “general public”, широкую публику, которая смотрела на икру как на липкую массу рыбьих яичек с дурным запахом и не ценила её тонкий вкус. Сегодня это выражение употребляется в другом смысле: деликатес, ценный «генералами». (*The International Herald Tribune*, Oct. 6, 1985)

Но переводчикам «Гамлета», разумеется, необходимо передать исконное значение оборота. И не столько значение, сколько со-значение.

В знаменитом переводе Н.А.Полевого интересующая нас фраза вообще опущена. Так же обошлись с ней П.П. Гнедич и Н. Россов. А.И. Кронеберг перевёл её так:

- Я помню, пьеса не понравилась толпе; это был апельсин для известного рода животных.

Переводчик обыграл фразеологизм «разбираться в чём-то как свинья в апельсинах».

Прибегали в этом случае к фразеологизмам и другие переводчики:

- Пьеса, помнится, не понравилась большинству. Она была бисером для свиней. (Пер. К.Р.)
- Пьеса не понравилась. Для большой публики это было, что называется, не в коня корм. (Пер. Б.Л.Пастернака)

Д.В. Аверкиев и отказался от передачи образа и прибег к описательному переводу:

Она, <пьеса> как помнится, не понравилась толпе: для нее она оказалась слишком тонким блюдом.

Кое-кто из переводчиков сохранили образ, но с пояснением:

- Пьеса, сколько мне известно, не понравилась публике. Она пришлось ей также не по желудку, как профанам икра. (Пер. А.Л. Соколовского)
- Пьеса была не по вкусу публике; она была для толпы икрой, вкус которой знают только гастрономы. (Пер. М.Загуляева)

- Пьеса, насколько я помню, не понравилась большинству, которое отнеслось к ней с таким же плохим толком, с каким простонародье иногда судит о достоинстве икры. (Пер. Н.Маклакова)

Бывали и попытки сохранить шекспировский образ без всяких пояснений:

- Пьеса, я помню, не понравилась толпе; для большинства это была икра (Пер. М.Л.Лозинского)
- Эта пьеса не понравилась; для большинства это было вроде икры. (Пер. А.Д. Радловой)

О том, как воспринимается такое решение, говорит то обстоятельство, что иногда при переиздании перевода Лозинского бдительные корректоры, видимо, смущённые невразумительностью образа, поправляют: «Для большинства это была *игра*».

Особый случай – перевод М.В. Вронченко (один из ранних образцов так называемого «филологического перевода»):

Сочинение, я помню, не понравилось толпе: оно было как кавяр для черни.

Слово «кавяр» было снабжено следующим примечанием:

То есть, лакомство, которое чернь ценить не умела. — Giles Fletcher в своей *Russe commonwealth*, 1591, стр. 11 говорит, что в России есть много очень вкусных рыб, как-то: *Bellouga*, и *Bellougina*, *Ositrina* и *Sturgeon* (осетр); что Волга снабжает все государство сими рыбами, из икры коих готовится значительное количество *Jeary* или *Caveary*.

Еще один пример выявления коннотации при помощи описательного перевода (как в приведенном выше переводе Д.В. Аверкиева). В романе М.Твена “*Adventures of Huckleberry Finn*” жулик, выдающий себя за наследника французского престола, открыв слушателям тайну своего происхождения, восклицает:

“Yes, gentlemen, you see before you, in blue jeans and misery, the wanderin', exiled, trampled-on and sufferin' rightful King of France.”

В переводе Н.Л.Дарузес:

– Да, джентльмены, вы видите перед собой законного короля Франции, в синей холстине и нищете, изгнанника, страждущего и презираемого всеми!

Во времена Марка Твена “blue jeans” считались одеждой если не бедняков, то, по крайней мере, людей скромного достатка, и сегодня, когда этот род одежды вызывает ассоциации едва ли не противоположные (тем более в России), трудно ожидать, что читатели войдут в бедственное положение человека, которому придется носить *джинсы*. Другое дело – указание на материал, из которого изготовлялся столь высоко чтимый се-

годня предмет одежды. (Использование в переводе генерализации создаёт эффект остранения, о котором так много писали представители «формальной школы»).

Можно возразить, что, приписав Н.Л.Дарузес какую-то особую изобретательность, я выдал нужду за добродетель: как же ещё могла поступить переводчица, если в то время, когда она переводила роман Твена, слово «джинсы» в русский язык ещё не вошло? (По данным «Словаря современного русского литературного языка», первая письменная фиксация этого слова относится к 1971 году). Но значит ли это, что если бы роман Твена переводился сегодня, переводчик при помощи прямого словарного соответствия мог бы добиться того эффекта, на который рассчитывал автор?

Тут уместно вспомнить сходную трудность, которая подстерегает англоязычных переводчиков пушкинской «Капитанской дочки». М.М.Морозов описывал её так:

Когда к крепости приближается Пугачёв, капитан Миронов говорит: «Ступайте, ступайте домой; да коли успеешь, надень на Машу сарафан». Что имеет в виду капитан Миронов? Как понять это место? Переводчик должен знать, что Пугачёв не обижал людей из простого народа. Упомянутая же нами переводчица окончателью запуталась в этом месте. Очевидно, она где-то прочла, будто у русских было обычаем хоронить покойников в самой богатой одежде (перевод был сделан в Чикаго в 1876 году, когда заграницей о русском быте имели лишь самое смутное представление); фразу «да коли успеешь, надень на Машу сарафан», она «перевела» следующим образом: ‘And if you have time, dress her in her best: let her wear a sarafan, embroidered in gold as is our custom for burial.’ В этом переводе совершенно искажён смысл оригинала. Другая переводчица перевела: ‘And if you have time, dress Masha in a sarafan.’ В этом варианте смысл остался не совсем ясным, нераскрытым. Лучше других перевела третья переводчица: ‘dress Masha as a peasant girl.’²

Определяющей для перевода может оказаться не только коннотативная окраска, но и ассоциации со смежным понятием. И здесь прямой перевод не всегда оказывается приемлем, поскольку в культуре, стоящей за языком перевода, эта ассоциация может быть иной или совсем отсутствовать.

Легкомысленный герой рассказа Саки (Г.Манро) “Reginald at the Carlton” размышляет:

“Isn’t there a bishop or somebody who believes we shall meet all the animals we have known on earth in another world? How frightfully embarrassing to meet a whole shoal of whitebait you have last known at Prince’s! I’m sure in my nervousness I should talk of nothing but lemons. Still, I daresay they would be quite as offended if one hadn’t eaten them. I know if I were served up at a cannibal feast I should be dreadfully annoyed if one found fault with me for not being tender enough, or having been kept too long.”

В 2005 году издательство «Азбука-классика» выпустило сборник рассказов Саки «Омлет по-византийски», куда вошёл и «Реджинальд в “Карлтоне”». Горячо рекомендую эту книгу всем преподавателям перевода: это редчайшая по своей полноте антология переводческих ошибок, от курьёзнейших искажений смысла до проявлений стилистической глухоты. Юмор Манро в большинстве случаев убит начисто, но когда сравни-

---

² М.М.Морозов, «Пособие по переводу русской художественной прозы на английский язык» – М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956 – с. 11

ваешь перевод с оригиналом, трудно удержаться от смеха. Характерный пример – перевод цитировавшегося отрывка:

Как вы, должно быть, знаете, какой-то епископ верит в то, будто со всеми известными нам по пребыванию на земле животными мы встретимся впоследствии на том свете. Как же это будет неловко – столкнуться там с косяком снетков, с некоторыми представителями которых в последний раз встречался в ресторане. Мне с моей чувствительностью лучше с лимонами иметь дело. Впрочем, и эти обидятся, если не будешь их есть. Знаю одно – на людоедском пиршестве меня бы страшно раздражало, если бы ко мне стали цепляться за то, что я недостаточно улыбчив или же слишком долго вожусь со своим блюдом.

Смысловые искажения тут очевидны, но я хочу остановиться лишь на одном, вызванным не только слабым знанием языка, но и непониманием ассоциативной связи. Для сравнения – отрывок из рассказа Г.К.Честертон “The Duel of Dr. Hirsch”:

At one of the central tables a very stumpy little priest sat in complete solitude, and applied himself to a pile of whitebait with the gravest sort of enjoyment. His daily living being very plain, he had a peculiar taste for sudden and isolated luxuries; he was an abstemious epicure. He did not lift his eyes from his plate, round which red pepper, lemons, brown bread and butter, etc., were rigidly ranked <...>

Опять “whitebait” (кстати, это далеко не всегда «снетки»), и опять они соседствуют с лимонами. Ничего удивительного: мелкая рыбёшка с лимонным соком – сочетание для англичан вполне привычное. Поэтому-то Реджинальд и боится, что от смущения может выбрать для загробного разговора с рыбами естественную, но не самую приятную для них тему – лимоны.

Однако уяснить связь, на которой основана шутка Манро, – лишь полдела. Следует ещё донести эту шутку до читателя перевода, в чьём сознании эти два продукта не так уж крепко связаны.

Самым приемлемым выходом из положения была бы замена функциональным аналогом: можно подобрать другую неразлучную пару (живое существо и гарнир или приправу), у которой связь между напарниками будет понятна читателю перевода. Но, делая выбор, надо опасаться русификации и не забывать, что Реджинальд – завсегда тай «Принца» и «Карлтона» и ценитель зелёного шартреза, поэтому «кильки в томате» и «поросёнка с хреном» придётся исключить.

Возможна минимальная замена: скажем, лимонный сок и устрицы. Но если кому-то покажется, что и тут для читателей перевода связь недостаточно очевидна, можно пойти дальше. Предложу ещё одно решение (а заодно поправлю другие смысловые ошибки азбуковского переводчика в этом отрывке):

Какой-то епископ, что ли, считает, что мире ином мы встретим всех животных, каких знавали в земной жизни. Вот будет конфуз, если доведётся встретиться с омарами, которых тебе представили в «Принце» в виде салата. Я, наверно, так расстроюсь, что смогу завести разговор только о майонезе. А впрочем, если их не есть, они бы тоже обиделись. Подайте меня к столу на пиршестве у каннибалов – и мне будет очень досадно, если кто-то станет ворчать, что я-де жестковат или с душком.

Иначе обстоит дело с “whitebait” в цитированном рассказе Честертон. Кажется бы, там это кушанье упомянуто не ради каких-то ассоциаций. И всё же не будем спешить с выводами. Ассоциации, как мы видели, приобретают определённую во времени и пространстве («шпинат», «икра», «джинсы»).

Действие рассказа Честертон происходит во время Первой мировой войны в Париже. “Very stumpy little priest” – конечно же, отец Браун. И блюдо Честертон ему выбрал неспроста. “Whitebait” считается традиционным английским блюдом, что засвидетельствовано даже в энциклопедии «Британника», в статье “Gastronomy”. Генри Джеймс в романе “The American”, описывая, как американец Ньюмен приобщается к британской культуре, сообщает:

He watched the deer in Windsor Forest and admired the Thames from Richmond Hill; he ate whitebait and brown-bread and butter at Greenwich, and strolled in the grassy shadow of the cathedral of Canterbury. He also visited the Tower of London and Madame Tussaud's exhibition.

“Whitebait”, таким образом, становится в один ряд с такими узнаваемыми символами британской культуры, как Тауэр, Кентерберийский собор, Музей мадам Тюссо.

Можно вспомнить и “Whitebait Dinner” – торжественный ужин по случаю окончания парламентской сессии, который вплоть до 90-х годов XIX века устраивал британский кабинет министров.

Получается, что, приехав во Францию, славящуюся своим кулинарным искусством на весь мир, отец Браун остался верен британским вкусам. А вместе с ними и британским ценностям, и британскому здравомыслию, которое (не только в этом рассказе) Честертон противопоставляет пылкой и сумбурной галльской натуре. Гастрономические предпочтения позволяют отчётливее противопоставить героя (и симпатизирующего ему автора) культурной среде, в которой он оказался.

Неизбежный вопрос: как же отразить это в переводе? К решительным заменам, вроде предложенных выше, прибегнуть тут не удастся: это не воображаемая загробная беседа Реджинальда с рыбёшками, а вполне реалистичная сцена, нарисованная весьма подробно (выше приведена только часть), и замена блюда потребует более основательной переделки авторского описания, чем позволяет норма перевода. Поэтому, переводя рассказ Честертон, я не отважился лишить отца Брауна любимого лакомства, но принял к сведению его предпочтения и едва заметно – где выбором эпитета, где фразеологизмом – помогал читателю лучше почувствовать ироничное отношение автора к темпераментным до безрассудства французам. Какая никакая, а компенсация. Приведённый же отрывок перевёл самым бесхитростным образом:

За столиком посредине в полном одиночестве сидел толстенький невысокий священник. Перед ним стояла полная тарелка серебристых рыбок, а вокруг неё – блюдца с неизменной снедью: лимоны, чёрный хлеб, масло, перец. Священник ел не спеша, смакуя каждую рыбку. Жизнь его отличалась простотой и умеренностью, и он умел ценить редкие неожиданные удовольствия: он был неприхотливым эпикурейцем.

Другой пример трудности, возникающей по причине неразличимой из-за культурного барьера смежности кулинарных понятий. На занятиях по переводу мы даем студентам текст из газеты «Файненшиал таймс», где описываются трудные взаимоотноше-

ния административных руководителей компаний и подчиненных им финансовых директоров. Начинается этот текст так:

There are two types of persons: gloomy Eeyores and bouncy Tiggers. If the results of a new survey for CFO Europe magazine are to be believed, many chief financial officers cast themselves in the role of Eeyore working for a Tigger. Only five per cent of CFOs regard themselves as more optimistic than their chief executive officers, while almost half are more pessimistic.

Why? Some of the explanations that CFOs offer are misery itself. “CEO is a moron.” “CEO lacks strategic imagination or a long-term vision; substitutes hope and blind optimism.” Evidently, for some CFOs, the boss is that sort of person who will grab the tartar sauce before leaping into a tank of piranhas.

Что бы ни говорили о глобализации, и она, как видно, имеет пределы. В учебных группах, как показывает опыт, мало кто понимает логику последнего предложения, потому что не все знают, что соус «тартар» – традиционная приправа к рыбе. Кое-кто даже истолковывал намерения исполнительного директора в том смысле, что он проявляет заботу о пираньях. Уже из этого стихийного «опроса общественного мнения» в группе студентам становится ясно, что уповать на большую искушенность массового читателя нельзя. Как же тогда поступить? Лучше всего опять-таки подобрать какую-то другую приправу, гарнир или предмет сервировки, которые метонимически указывали бы на истинные намерения отчаянного оптимиста. Поэтому в результате обсуждения студенты приходят примерно к такому варианту:

Видимо, по мнению некоторых финансовых директоров, их босс из той породы людей, что готовы прыгнуть в бассейн с пираньями, да еще и вилку с собой прихватить (или «салфетку повязать»).

Если же специфические культурные коннотации реалии не так важны для понимания изображенной в тексте ситуации, переводчик может прибегать к многократно описанным способам передачи реалий – таким, например, как генерализация. Этим приемом воспользовались авторы всех известных мне переводов рассказа А.П. Чехова «В овраге» при передаче фразы: «Возвращались старухи из леса, и с ними ребята; несли корзинки с волнушками и груздями».

Как говорит датский переводчик Билл в фильме «Осенний марафон»: «За рубежом грибных лесов нет». Носители английского языка в большинстве своем не так уж хорошо знакомы с названиями разновидностей грибов. И хотя волнушки и грузди имеют английские названия (goat’s beard, milky cap), но известны далеко не всем. Так если читатель узнает, что старухи несли “baskets of goat’s beards and milky caps”, то, скорее всего, поймет эти сочетания в самом прямом словарном значении и составит самые фантастические представления о том, что обычно приносят из леса русские крестьяне. Поэтому не стоит удивляться, что англоязычные переводчики проявляют при передаче этой фразы полное единодушие:

- Some old women and children were returning from the woods, carrying baskets of **mushrooms**. (M.Fell)

- Old women were coming back from the woods and children with them; they were bringing baskets of **mushrooms**. (C. Garnett)
- Old women were returning from the woods, with children running beside them; they carried baskets filled with **mushrooms**. (I. Litvinov)

Не стали исключением и Р. Пивер и Л. Волохонская, так некстати кичащиеся формальной точностью своих переводов:

The old women were coming back from the forest, and the children with them; they were carrying baskets of **mushrooms**.

Возможно, кое-кто из теоретиков, подходящих к переводу с позиции сравнительной культурологии, и посетует, что при таком переводе читатель получит неполное представление о «русской картине мира», однако единоклассники переводчиков в решении этой задачи о чем-то да говорят.

Но тут разновидности грибов ставились в один ряд. Другое дело, если они противопоставляются. Подобный случай есть в комедии Чехова «Свадьба» Помните?

Жигалов. А рыжики в Греции есть?
Дымба. Есть. Там все есть.
Жигалов. А вот груздей, небось, нету.
Дымба. И грузди есть. Все есть.

К. Бехофер, автор не самого известного перевода этой пьесы, опубликованного в Нью-Йорке в 1916 г., вышел из положения следующим образом:

Jigalov: And are there chestnuts in Greece?
Dimba: Yes, there's everything there.
Jigalov: But not mushrooms.
Dimba: Yes, mushrooms too. Everything!

Итак, «грузди» при помощи генерализации превратились в грибы вообще, а «рыжики» были заменены каштанами. Решение в данном случае вполне оправданное. Мы опять сталкиваемся с заменой функциональным аналогом (или интергипонимической заменой). Так же поступила, например, Н.А. Волжина в своем переводе рассказа О. Генри “Witches Loaves”:

He kept on buying stale bread. Never a cake, never a pie, never one of her delicious Sally Lunns.

«Американа» определяет Sally Lunns как «сладкий пирог к чаю, подается к столу горячим и смазанным маслом (по имени уличной торговки в г. Бат, шт. Мэн, жившей в конце XVIII в.)». Казалось бы, это определение позволяет воспользоваться генерализацией и передать название этого блюда просто как «пирог», но беда в том, что название это стоит в одном ряду с *cake* и *pie*. И переводчица, памятуя, что она переводит рассказ О. Генри, а не кулинарную книгу, прибегла к интергипонимической замене:

Он продолжал покупать черствый хлеб. Ничего, кроме черствого хлеба. Ни пирожных, ни пирожков, ни ее восхитительного **песочного печенья**.

Но вернемся к переводам чеховской «Свадьбы». Констанс Гарнетт вышла из затруднения с рыжиками и груздями более изящным способом:

Zhigalov: And are there mushrooms in Greece?

Dymba: Yes, dere is everything dere.

Zhigalov: But, I bet, there are no brown ones, like ours.

Dymba: Yes, dere are.

Стоит упомянуть и курьезную ошибку в переводе Дж. Уэста, не понявшего, что «рыжик» – название гриба:

Zmeyukina: And are there any red-haired men in Greece?

Dimba: Yes, everysing is zere.

Zhigalov: But you don't have our kinds of mushroom.

Dimba: Yes, we've got zem and everysing.

Как видим, Уэст пошел даже на то, что передал реплику Дымбы акушерке Змеюкиной. Скорее всего, он решил, что ей больше пристало проявлять интерес к греческим рыжим мужчинам.

Если же говорить о тех приведенных здесь случаях, когда замены были вызваны правильным пониманием функции той или иной лексической единицы, то полноценным лингвистическим обоснованием этих замен может служить подход, изложенный в статье Д.М. Бузаджи «Векторы смысла» (<http://www.thinkaloud.ru/feature/buz-fp.pdf>)

* * *

Перевод сегодня определяется как средство не только межъязыковой, но и межкультурной коммуникации. Из приведённых здесь наблюдений ясно, что такое уточнение более чем обосновано. Можно сказать, что межкультурные различия стали в научных исследованиях даже модной темой. Настолько модной, что впору поменять акценты: перевод – средство не только межкультурной, но и межъязыковой коммуникации. Отмечать различия – занятие увлекательное и эффектное, но забота переводчика – другой эффект: коммуникативный. Ему важнее разобраться, какими языковыми средствами достичь этого эффекта в переводе.